

БИОПОЛИТИКА/ БИОЭКОНОМИКА

Маурицио Лаццарато

Можно ли сказать, что ожесточённые споры вокруг проблемы «либерализма» во время кампании, развернувшейся в связи с референдумом по Евросоюзу, хоть в чём-нибудь способствовали пониманию сути либеральной логики? При чтении двух недавно опубликованных курсов лекций Мишеля Фуко («Безопасность, территория страны, население» и «Рождение биополитики») возникают сомнения на этот счёт. В указанных работах философа исследуется генеалогия и история либерализма, а также предлагается новое понимание капитализма, отличное одновременно и от марксистской его интерпретации, и от тех решений, которые выработаны политической философией и политэкономией. Сказанное относится, в частности, к таким вопросам, как связь экономики с политикой и проблема труда. Фуко вводит совершенно новый подход к истории капитализма: проблема связи экономики с политикой решается им на основе анализа механизмов, не относящихся ни к политике, ни к экономике. С точки зрения философа, надлежит обратиться именно к рассмотрению «внеположных», «иных» по отношению к данным сферам явлений. Функционирование политики и экономики, их действенность и масштабность (в том виде, в каком они имеют место сегодня) проистекают не из имманентных этим сферам форм рациональности, но из внеположной по отношению к ним рациональности, которую Фуко именует «правлением людей». Управление социумом представляет собой «человеческую технологию», унаследованную современным государством от христианской пасторали (особой разновидности пастушеского комплекса, которая не встречается ни в греческой, ни в римской традициях). Либерализм скорректировал, видоизменил, обогатил представление об управлении, обратив его из руководства человеческими душами в руководство людьми. Понятие «править» можно интерпретировать следующим образом: как руководить поведением людей? Править означает оказывать воздействие на различные виды человеческой деятельности. В своих прежних сочинениях, разъясняя механизмы регулирования и надзора за больными, неимущими, преступниками и умалишёнными, Фуко уже прибегал к понятию «управление». В рамках подобной генеалогии либерализма макрофеномены экономики с её принципиальными новациями истолковываются на основе теории микровласти. Макро-управление в его либеральной трактовке возможно лишь постольку, поскольку оно осуществляет разнообразные формы микро-власти над множеством субъектов. Макро- и микроуровни неотделимы друг от друга. Теория микроуправления – это проблема методологического свойства, а не проблема масштаба (анализ отдельных социальных категорий – умалишённых, заключённых и пр.).

Экономика и политика

Почему именно в середине XVIII века связь между экономикой и политикой становится проблематичной? Фуко объясняет этот феномен следующим образом: умение правителя осуществлять свои функции должно осуществляться на определённой территории и по отношению к субъектам права; однако с XVIII века государственные территории обживаются субъектами экономики, для которых характерно не столько обладание теми или иными правами, сколько наличие определённых интересов. Ното оeconomicus соединяет в себе совершенно разнородные свойства и не может быть сведён к homo juridicus, homo legalis. Экономический и правовой аспекты личности порождают два совершенно различных, конституирующих социум процесса: субъект права становится частью состоящего из себе подобных социума за счёт диалектики отказа. Действительно, политическая организация общества предусматривает, что субъект права отказывается от своих прав и передаёт их какому-то иному лицу. Что же касается субъекта экономики, то он становится частью сообщества себе подобных (экономическая организация общества)

не за счёт передачи прав, но за счёт спонтанного возрастания экономических интересов. От собственного интереса не отказываются. И напротив, умножение и удовлетворение потребностей всех и каждого осуществляется благодаря тому, что субъект упорно отстаивает собственные эгоистические интересы. Обозначившаяся невозможность свести экономику к политике породила невероятное изобилие интерпретаций. Естественно, данная проблема находится в центре исследований Адама Смита, коль скоро и хронологически, и в теоретическом плане они совпали с указанным поворотом. Именно этот поворот на протяжении двух столетий неизменно привлекал к себе внимание исследователей. С точки зрения Аделино Дзанини (быть может, именно этот учёный наиболее полно осветил указанную дискуссию), Адама Смита следует считать не основателем политической экономии, но последним из представителей моральной философии, стремившимся выявить причины, по которым этика, экономика и политика не накладываются более друг на друга, не образуют более слаженной гармоничной целостности¹. Как полагает Дзанини, вывод Адама Смита заключается в следующем: отношение экономики к политике не может быть ни гармоническим образом разрешено, ни измерено в цифрах. Поиски выхода из этой ситуации Смит оставляет последующим поколениям... однако потомки пошли по несколько иному пути. С точки зрения Ханны Арндт, политическая экономия вводит в общественное пространство необходимость, потребность, частный интерес (ойкос), одним словом всё то, что классическая греко-римская традиция выводила за пределы политики. Именно таким образом экономика, завоёвывая публичную сферу, наносит необратимый ущерб политике. По мнению Карла Шмидта, логика политической экономии представляет собой фактор деполитизации и нейтрализации политики, поскольку борьба не на жизнь, а на смерть трансформируется в конкуренцию между деловыми людьми (буржуа); поскольку Государство превращается в общество, а политическое единство нации – в социологическую множественность потребителей, наёмных работников и предпринимателей. Если, с точки зрения Ханны Арндт, экономика – это классическая традиция, которую экономика делает неэффективной, то для Шмидта она представляет собой современную традицию европейского общественного права. Маркс полагал, что разделение между Буржуа (экономический субъект) и Гражданином (субъект права) – противоречие, которое следует интерпретировать диалектически. Буржуа и Гражданин соотносятся между собой, как структура и сверхструктура. Истинная суть производственных отношений воспаряет в горние выси политики и подвергается мистификации. Революция даёт надежду на примирение разобщённого мира. Что касается Фуко, то он предлагает абсолютно оригинальное решение данной проблемы. Во-первых, связь между обозначенными выше сферами – политикой, экономикой и этикой – не может, с его точки зрения, вылиться в форму синтеза, целостности, о которой всё ещё мечтают (каждый на свой лад) Шмидт, Арндт и Маркс. Во-вторых, ни юриспруденция, ни экономическая теория, ни законы, ни рынок не могут примирить между собой все эти разнородные элементы. Следует перенести рассмотрение данной проблемы в новую область, новое поле, новую плоскость, которая бы не сводилась ни к совокупности субъектов права, ни к совокупности экономических субъектов. И те, и другие окажутся управляемыми лишь в той мере, в какой можно будет определить пеленающую их новую целостность, которая выявит не только соединение или разнообразные комбинации этих элементов, но и целый ряд новых элементов и интересов. Для того чтобы искусство управления сохранило свой глобальный характер, а не разделилось на две ветви – искусство управлять экономическим сообществом и искусство управлять правовым, – либерализм вырабатывает и апробирует целый ряд связанных с управлением технологий, реализуемых в принципиально новой плоскости – Фуко именуется её «гражданским обществом», «обществом» или «социумом». Гражданское общество в его интерпретации – не пространство, в рамках которого вырабатывается автономия граждан по отношению к государству, но коррелят технологий управления. Гражданское общество не является первичной, непосредственно данной

реальностью, это составная часть современной технологии искусства управления. Не следует видеть в обществе некую вещь в себе или абсолютную абстракцию; речь идёт о феномене взаимодействия – подобно безумию или сексуальности. Явления взаимодействия – своего рода перепонка между правителями и управляемыми субъектами – возникают на пересечении властных отношений со всем тем, что неизменно ускользает из-под их влияния. Именно на этом пересечении, внутри этой перепонки формируется либерализм как искусство управления. Именно здесь зарождается биополитика. Таким образом, homo oeconomicus не является в представлении Фуко неделимой частицей свободы по отношению к суверенной власти, неподвластным юридической власти элементом; это «определённый тип субъекта», благодаря которому искусство управления обретает возможность самоограничения, самоорганизации исходя из принципов экономики; возможность выработать способ «управлять как можно меньше». Homo oeconomicus – это партнёр, визави, базовый элемент нового управляющего разума, который начинает артикулироваться с XVIII века. Иными словами, либерализм нельзя считать в первую очередь (и в чистом виде) экономической или политической теорией; его суть – искусство управлять, прибегающее к рынку как своего рода тесту, инструменту понимания, критерию истины и мерилу общества. Под «обществом» здесь следует понимать всю совокупность юридических, экономических, культурных, социальных и прочих отношений, сотканных многообразными субъектами. Под «рынком» же не следует понимать всевластие товара. С точки зрения Фуко, XVIII век нельзя представлять себе по тому описанию, которое приводится в первой книге «Капитала» (отчуждение и овеществление межчеловеческих отношений, отныне определяемых исключительно товарным обменом; необходимость постигнуть истинную суть товара и пр.). Рынок нельзя определять исходя из инстинктивной склонности человека к обмену. Но для Фуко неприемлема и та трактовка рынка, которую даёт Бродель (такой рынок никак не может быть отождествлён с капитализмом). Под рынком следует во всех случаях понимать не эквивалентный обмен, а конкуренцию и неравенство. В данном случае субъекты – это не торговцы, а предприниматели. Таким образом, рынок есть феномен предприятий, отсюда и свойственная ему дифференциальная, нацеленная на неравенство логика.

Либерализм как управление разнородными властными механизмами

Столь же оригинальную трактовку Фуко даёт и разнообразным формам функционирования управляющего разума. Процесс этот основывается не на противопоставлении публичного регулирования (государство) и свободы предпринимателя какие-либо действия индивида, а на стратегической логике. Юридические, экономические и социальные механизмы носят не противоречивый, но разнородный характер. С точки зрения Фуко, разнородность – это напряжение, трения, взаимная несовместимость, а также взаимная подгонка (как успешная, так и неудачная) указанных механизмов. Управляющие структуры то сталкиваются один механизм с другим, а то опираются на тот или иной из них. Мы имеем здесь дело с определённого рода прагматизмом, неизменным мерилем стратегий которого выступают рынок и конкуренция. Логика либерализма не имеет в виду преодолеть различия между различными концепциями законности, свободы, права, того процесса, которым управляют соответствующие юридические, экономические и социальные механизмы; она не ставит своей целью достижение примиряющей все крайности целостности. По мнению Фуко, логика либерализма противостоит диалектической логике. Последняя оперирует противоречащими один другому терминами в рамках какой-либо однородной стихии, где возможно их примирение в будущем и снятие противоречия. Что же касается стратегической логики, то её назначение заключается в том, чтобы выявить возможные точки соприкосновения между далеко отстоящими друг от друга понятиями (которые при этом продолжают оставаться таковыми). Фуко описывает политику множественности, в

равной степени противостоящую как тому примату политики, о котором пишут Арендт и Шмидт, так и характерному для Маркса примату экономики. Главенство политики или экономики сменяется у Фуко многообразием механизмов, обретающих фундаментальную целостность, всякий раз случайных монад. При этом «мажоритарные» субъекты (субъекты права, рабочий класс и пр.) сменяются у него «миноритарными», которые активно формируют реальность за счёт соединения неизменно индивидуальных обрывков, фрагментов и частей. «Истинность» каждой из частей не может быть выявлена на основе анализа политического или экономического целого. Искусство управлять осуществляется через деятельность рынка и общества, демонстрируя всё более изощрённое умение вторгаться в соответствующие процессы, выявлять их суть, упорядочивать целостные системы правовых, экономических и социальных отношений на основе предпринимательской логики.

Население /классы

Управление неизменно осуществляется по отношению к множеству субъектов, которых Фуко – на языке политэкономии – именуется «населением». С точки зрения Фуко, управление (как глобальная организация власти) всегда имеет дело с «множественностью», причём в неё входят классы (экономические субъекты), субъекты права и социальные субъекты. Анализ капиталистического общества обычно основывается на дискриминационном разграничении тех механизмов и приёмов, предметом которых является множество субъектов (население), и тех, предметом которых являются классы. С самого зарождения капитализма проблема населения осмысливалась в биоэкономических терминах; Маркс попытался вывести население («толпу», на языке власти) за скобки, отказаться даже от самого соответствующего термина – с тем, чтобы в дальнейшем вновь вернуться к нему, но уже не биоэкономической, а в историко-политической перспективе (классовые конфликты и классовая борьба). Проблему населения следует рассматривать в двух аспектах. С одной стороны, речь идёт о роде человеческом и условиях его биологического воспроизводства (регулирование рождаемости и смертности, демографическая политика, жизненные угрозы и пр.), его социально-экономического бытия; с другой стороны, население – это Публика, Общественное мнение. Действительно, замечает Фуко, экономисты и публицисты появляются в Европе одновременно. Начиная с XVIII века власть стремилась управлять как экономикой, так и Общественным мнением. Таким образом, диапазон воздействия власти простирается от обеспечения биологического и социального выживания человеческого рода вплоть до той зоны соприкосновения, которую воплощает собой Публика – наряду с другими властными механизмами, но не в качестве «государственной идеологической машины». Этот диапазон (от биологического вида до публики) включает в себя целый спектр новых реалий, новых приёмов воздействия на поведение людей, на общественное мнение и субъективное мышление – и всё это ради того, чтобы изменить стиль речи и поведения экономических и политических субъектов.

Дисциплина и безопасность

Мы всё ещё придерживаемся дисциплинарного видения капитализма, хотя, по мнению Фуко, на первый план в нём неуклонно выдвигаются механизмы обеспечения безопасности. Та тенденция, которая ныне закрепились в западном обществе, имеет давнее происхождение; она проистекает от общества безопасности, вбирающего в себя, использующего, эксплуатирующего и совершенствующего дисциплинарные и властные механизмы (при этом не отменяя их) в соответствии со стратегической логикой разнородности. Следует различать дисциплину и безопасность. Дисциплина отгораживает, устанавливает пределы и границы, тогда как безопасность гарантирует и обеспечивает циркуляцию. Задача первой – воспрепятствовать, задача второй – позволить,

побудить, способствовать, призвать. Первая ограничивает свободу, вторая стимулирует, вырабатывает её (свобода предпринимательства или индивидуальных предпринимателей). Дисциплина – феномен центростремительного характера, она сжимает, замыкает; безопасность же является центробежной силой, она неизменно расширяет искусство управления и вводит в него всё новые элементы. Возьмём в качестве аналогии болезнь. Болезнь можно трактовать либо сквозь призму дисциплинарного подхода, либо в соответствии с логикой безопасности. В первом случае (проказа) стремятся пресечь распространение инфекции путём разделения людей на заражённых и всех прочих (больных изолируют и сажают под замок). И напротив, механизмы безопасности, опираясь на новейшие методы и познания (вакцинация), распространяются на всё население в целом, без каких бы то ни было изъятий, без установления границы между больными и здоровыми. На основе статистических данных (ещё один необходимый источник сведений для механизмов безопасности) вычерчиваются дифференциальные графики, рассчитывается вероятность заражения для каждой возрастной категории, профессии, города, а внутри города – каждого квартала. Таким образом, возникает общая картина, на которой, исходя из вероятности заражения, проведены кривые потенциальной заболеваемости. Механизм безопасности нацелен на сближение наиболее опасных, взмывающих вверх кривых с «благополучными». Мы имеем здесь дело с двумя механизмами, на основе которых вырабатываются две различных стратегии нормализации. Дисциплина распределяет элементы исходя из единого кода, образца, нормы, которая регламентирует, что является дозволенным, а что – запретным, что – нормальным, а что – аномальным. Безопасность представляет собой дифференциальное управление стабильными и потенциально опасными состояниями; ни те, ни другие не оцениваются ею в качестве феноменов позитивных или негативных, но трактуются как нечто естественное и спонтанное. Выстраивая график распределения указанных феноменов, безопасность стремится осуществить нормализацию за счёт столкновения друг с другом дифференциальных линий стабильного состояния. «В то время как государственная власть обращает в капитал занимаемую государством территорию; в то время как дисциплина структурирует социальное пространство и в качестве первостепенной проблемы выдвигает иерархическое и функциональное распределение элементов, безопасность обустроивает среду в зависимости от потенциально возможных событий (событийных рядов). Эти событийные ряды нуждаются в регулировании в рамках поливалентного, подверженного постоянным изменениям контекста»². Безопасность ориентируется не на фактически свершившиеся, а на потенциально возможные события. Она отсылает к случайному, преходящему, становящемуся. В отличие от дисциплины, безопасность – искусство детали. Относящиеся к сфере безопасности явления носят сиюминутный характер, тогда как феномены законности характеризуются окончательностью, неизменностью и вескостью.

Жизненная политика

Фуко подвергает релятивизации спонтанный «онтологический» потенциал предприятия, рынка и труда, а также структурообразующую роль «мажоритарных» субъектов (предпринимателей и наёмной рабочей силы). В противовес марксистам, которые рассматривают указанные факторы как непосредственные источники воспроизводства капитала (и формирования всей материальной сферы), и в отличие от приверженцев политэкономического подхода, Фуко показывает, что все эти факторы скорее являются результатом действия совокупности механизмов, активизирующих, стимулирующих и поощряющих развитие «общества». Предприятие, рынок и труд не являются спонтанно действующими силами; либеральное правительство призвано превратить их из виртуальных реальными, способствовать их существованию. Так, рынок – всеобщий социально-экономический регулятор – вовсе не является при этом неким

природным механизмом, возникающий одновременно с капиталистическим обществом (как утверждают марксисты и приверженцы классического либерализма). Напротив, рыночные механизмы (ценообразование, законы предложения и спроса) носят чрезвычайно уязвимый характер. Чтобы они заработали, необходимо всякий раз создавать специальные условия. Властные структуры рассматривают рынок как нечто, ограничивающее вмешательство Государства, однако не с целью нейтрализации этого вмешательства, но во имя его качественного обновления. Взаимоотношения между государством и рынком чрезвычайно удачно освещены в теоретических трудах и практической деятельности приверженцев ограниченного либерализма в Германии. При том, что активность либералов вполне сопоставима с активностью кейнсианцев («свобода рынка обуславливает необходимость активной и крайне бдительной политики»³), на деле она преследует совершенно иные цели и связано с другим предметом. Конечная цель её – обеспечить возможность самого существования рынка. Практические цели – позволить развиваться конкуренции, ценообразованию, прогнозированию дохода на основе предложения и спроса и так далее. Иначе говоря, по словам сторонников ограниченного либерализма, речь идёт не о вмешательстве в рынок, но о вмешательстве в пользу рынка. В рынок же вмешиваться не следует, коль скоро он является воплощением принципа умопостигаемости, средостением истинности и меры. Так на каком же именно уровне должно осуществляться регулирование? По мнению немецких либералов, следует ориентироваться на параметры, не являющиеся собственно рыночными, но представляющие собой условия для возможной рыночной экономики. Правительству надлежит вмешиваться в деятельность самого общества, как в видимые глазу, так и в глубинные его процессы. «Общественная политика», как именуют её немецкие либералы, должна считаться с социальными процессами и поддерживать их таким образом, чтобы внутри этих процессов могли вызревать рыночные механизмы. Чтобы рынок стал реальностью, надлежит влиять на общий социально-экономический контекст: демографию, техническое развитие, права собственности, социальные и культурные условия, воспитание, правовое регулирование и так далее. Венцом экономических идей либералов, направленных на обеспечение самой возможности существования рынка, становится жизненная политика (Vitalpolitik): «... жизненная политика, уже не ориентированная главным образом на повышение заработной платы и сокращение рабочего времени (в отличие от традиционной социальной политики), но нацеленная на целостное осмысление положения работника, реальной конкретики его повседневной жизни – с утра до вечера и с вечера до утра»⁴. Складывается впечатление, что «третий путь» Тони Блэра в большей степени навеян именно этим, континентальным вариантом либерализма, нежели американским неолиберализмом.

Труд и работники

Точно так же, как надлежит «выйти за пределы рынка», для определения «масштабов» труда надлежит выйти «за его пределы». Но чтобы оказаться за его пределами, придётся пройти сквозь «общество» и «жизненные условия». Чтобы «сделать возможным» труд, либеральное правительство должно учитывать субъективный мир работников (то есть их предпочтения и принимаемые ими решения). Экономика призвана стать экономикой поведения людей, экономикой душ (знаменательно, что новую актуальность приобретает первое определение власти, принадлежащее Отцам Церкви). Американские неолибералы с критических позиций оценивают классическую политэкономия, в частности идеи Адама Смита и Рикардо; в этом есть определённый парадокс. Политэкономия неизменно обращала внимание на то обстоятельство, что производство обусловлено действием трёх факторов: земля, капитал и труд, однако во всех соответствующих теориях «труд всякий раз оставался вне исследовательского поля».

Разумеется, полагает Фуко, можно сказать, что экономическая теория Адама Смита начинается с размышления о труде – в той мере, в какой это соответствует общей цели его экономического анализа. Однако классическая политэкономия «ни разу не анализировала труд как таковой, или, точнее, прилагала все силы к тому, чтобы всякий раз нейтрализовать его, сводя его исключительно к фактору времени». Труд является фактором производства, хотя сам по себе он пассивен; его активизация происходит лишь при условии определённого объёма инвестиций. Критика Фуко справедлива и по отношению к марксистской теории. Почему представители классической политэкономии, точно так же как и Маркс, парадоксальным образом нейтрализовали фактор труда? Потому, что их экономический анализ ограничивается изучением механизмов производства, обмена и потребления; таким образом, качественные характеристики работника, его предпочтения, поведенческие особенности, принятие им решений остаются за пределами рассмотрения. Напротив, неолибералы стремятся изучать труд как экономическое поведение субъекта, но исключительно в практическом разрезе: воплощённое в практические формы, рационализированное, рассчитанное работником. Чтобы проиллюстрировать соответствующий пассаж своей новой книги, где анализируется углубление логики управления, Фуко прибегает к разработанной в 1960-х – 1970-х годах теории «человеческого капитала». С точки зрения работника, заработная плата представляет собой не стоимость, которой наделяется его рабочая сила, но доход. Откуда же он проистекает? Из его капитала, то есть из человеческого капитала, неотделимого от его обладателя; капитала, составляющего единое целое с работником. Таким образом, с точки зрения работника проблема заключается в том, чтобы наращивать, аккумулировать и совершенствовать свой человеческий капитал. Но что означает «накапливать и совершенствовать капитал»? Осуществлять и распределять капиталовложения в таких сферах, как школьное образование, здравоохранение, перемещение рабочей силы; а также и в эмоциональной сфере, и в области разнообразных человеческих отношений (брак, например), и так далее. На самом деле, речь уже не идёт о работнике в классическом понимании этого понятия (Маркс), поскольку ныне приходится регулировать не только продолжительность рабочего времени индивида, но и продолжительность его жизни. Причём регулирование это начинается ещё в детстве, так как будущие способности работника зависят, в числе прочего, и от «аффективного багажа», которым наделили его родители; сам он обращает этот багаж в реальный доход, а родители – в «психологический доход». Стало быть, дабы превратить работника в предпринимателя и инвестора, требуется «выйти за пределы» труда. Осуществляемая в культурной, социальной, воспитательной сферах политика определяет те «широкие и зыбкие» рамки, внутри коих перемещаются и делают свой выбор индивиды. Выбор и принятие решений, разнообразные варианты человеческого поведения – это события и серии событий, которые как раз и надлежит отрегулировать при помощи механизмов безопасности. Происходит переход от анализа к структуре, от экономического процесса к анализу индивида и его внутреннего мира, его выборов и предпочтений, условий производства его жизни. Какой же системе рациональности должна подчиняться эта «избирательная» стратегия? Законам рынка, модели «спрос//предложение», модели «затраты// инвестиции»; как правило, все они обобщаются в рамках целостного социального «тела», так что возникает «модель социальных отношений, модель самого существования субъекта, отношение индивида к себе самому, к своему времени, к своему окружению, к будущему, к социальной группе, семье – в том смысле, что экономическая теория изучает способы освоения редких ресурсов в альтернативных целях»⁵. В противоположность точке зрения Поланьи и школы регулирования, регулирование рынка несводимо к упорядочиванию его стихийного развития; оно имманентно функционированию рынка. Чем объясняется подобная смена точки зрения? Необходимостью принять во внимание одну относительно слабо разработанную экономической теорией проблему: проблему инновации. Коль скоро имеет место

инновация, коль скоро создается нечто новое и открываются новые формы производственной деятельности, то «всё это порождено не чем иным, как всей совокупностью инвестиций, осуществлённых на уровне самого индивида». Политика роста не может ставиться в зависимость исключительно от материальных инвестиций, от физического капитала – с одной стороны и численности работников, помноженной на продолжительность рабочего дня – с другой. Надлежит изменить уровень и содержание человеческого капитала, а, чтобы оказать воздействие на этот «капитал», следует привести в действие множество различных механизмов, поощрять «качество жизни» и инвестировать в него. Фуко даёт новую трактовку биополитики как политики «общества», а не только как «расового регулирования» (Джорджо Агамбен); в его трактовке ряд разрозненных механизмов воздействует на всю совокупность условий жизни (ради формирования субъективности путём стимулирования способности индивидов к выбору и принятию решений). Именно в этом смысле власть представляет собой «воздействие на возможные действия со стороны индивидов», вторжение в происходящие с ними события. «Мы ... представляем себе общую идею или программу такого общества, где будет иметь место оптимизация различающихся систем и будет предоставлена свобода мерцательным процессам; где утвердится терпимость по отношению к индивидам и миноритарным практикам; где предметом воздействия станут не отдельные игроки, но правила игры; где, наконец, вторжение государства в жизнь общества станет выражаться не в порабощении индивидов изнутри, но во влиянии на окружающую их среду»⁶. Что касается механизмов безопасности, то выработанные ими рамки окажутся достаточно «мягкими» (поскольку речь идёт именно о воздействии на область потенциально возможного). Внутри этих рамок индивид, с одной стороны, сможет осуществлять «свободный» выбор из определяемых другими индивидами возможностей; с другой стороны, он окажется в достаточной степени манипулируемым, управляемым, чтобы противостоять непредвиденным изменениям социальной среды (а именно такого рода изменений требует характерная для современных обществ тенденция к постоянной модернизации). При чтении лекций Фуко может сложиться впечатление, что он подпал под влияние либерализма. На самом деле в либерализме его внимание привлекает исключительно политика множественности. Осуществлять управление страной как управление множественностью. Новые сочинения Фуко – в которых ощущается, подобно мощным подземным толчкам, напряжённое биение мысли философа, с её неожиданным сближением и резким расторгением тех или иных понятий – словно бы приглашают нас рассматривать власть не как нечто существующее, но как нечто становящееся (впрочем, столь же успешно и распадающееся!). В настоящем имеет место не власть, но становление власти, находящейся в прямой зависимости от разворачивающихся событий и реагирующей на них в форме множества различных механизмов, регламентирующих актов, законов, распоряжений, которые – вместе взятые – не образуют рационального, заранее выработанного проекта («плана»), но в то же время могут составлять некую систему, целостность. Причём указанная система, целостность неизменно носит случайный характер. Если французская философия с давних пор и в наиболее ярких своих проявлениях представляла собой философию множественности, то французская политика с ещё более давних пор представляла собой политику целостности, единого, единства. Именно в этом вопросе французские левые (марксисты и социалисты) солидаризуются с французскими правыми. Недавно, в ходе референдума по европейской конституции, мы получили тому новое подтверждение. В тот вечер, когда были объявлены результаты голосования, правые и левые немедленно слились в общую, «успокоительную» национальную целостность – хотя, по сути дела, они никогда полностью и не выходили за её рамки. Между тем в тот же вечер те и другие призвали к ещё одной целостности, в равной степени неэффективной, зато успокоительной (как панацея от безработицы): к Занятости (проблема труда сводится при этом к найму рабочей силы). Политика целостности не ведаёт понятия «внеположного». Беспомощность как сказавших «да», так

и сказавших «нет» проистекает из общей для всех них неспособности ни осмыслить, ни воплотить в жизнь политику множественности, которая бы не переходила границ всевозможных субстанциализированных целостностей – таких, как труд, рынок, государство и народ.

Сведения об авторе

Независимый социолог и философ, Маурицио Лацарато живёт и работает в Париже. Автор исследований по проблемам непроизводительного труда, подрыва традиционной системы оплаты труда, онтологии труда, когнитивного капитализма и «постсоциалистических» движений. Кроме того, он является автором работ о кино- и видеоискусстве, а также о новых технологиях производства изображений. Одно время регулярно сотрудничал с журналом *Futur antérieur*; впоследствии – один из основателей и член редколлегии журнала *Multitudes*.

Перевод с французского К.А.Чекалова

---

i
2
3
4
5
6

Revue des revues de l'adpf, sélection de mars 2006

- Maurizio LAZZARATO: «Biopolitique/Bioéconomie»
article publié initialement dans la revue *Multitudes*, n°22, automne 2005.

Traducteurs:

Anglais: Arianna Bove, Erik Empson

Arabe: Rawya Sadek

Chinois: Yan Suwei

Espagnol: Eréndira Reyes

Russe: Kiril Tchékalov

Droits:

© Maurizio Lazzarato pour la version française

©Arianna Bove, Erik Empson/Multitudes pour la version anglaise

©Rawya Sadek/Centre Français de Culture et de Coopération du Caire – Département de Traduction et d'Interprétation pour la version arabe

©Yan Suwei/Centre Culturel et de Coopération Linguistique de Pékin pour la version chinoise

©Eréndira Reyes/Centre Culturel et de Coopération de Mexico – Institut Français d'Amérique Latine pour la version espagnole

©Kiril Tchékalov/Centre Culturel Français de Moscou pour la version russe